

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ВОСТОКА И ЗАПАДА КАК ФРОНТИРЫ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОАЗИАТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

© Пунченко О. П.

Одесская национальная академия связи им. А. С. Попова (Одесса, Украина)

E-mail: kaphedra.philos@onat.edu.ua, ORCID 0000-0003-2694-6841

***Анотація.** В статті розкривається сутність, роль та місце освіти, що запропонована Китаєм в мегастратегії “Шовкового шляху - 2”. На рівні з трансграничним характером економічних, фінансових, інфраструктурних інвестицій у країни євразійського регіону, Китай пропонує нові форми інтеграції у сфері науки та освіти. Показано, що цей Стовп китайських мегатрендів є альфа та омега інноваційного розвитку країни.*

Досліджується інноваційний характер освітньої моделі Китаю. Сама освітня модель цієї країни репрезентована у якості конкуруючої з моделлю Болонської системи Заходу. У зв'язку з цим досліджуються фронтири на території зустрічі освітніх моделей Сходу та Заходу. Фронтір з'ясований як взаємопроникнення та протирічне поєднання конкуруючих освітніх практик.

Проаналізована логіка його розвитку, яка пов'язана з формуванням захисних споруд своїх моделей, відмічаються ризики, які виникають у просторі їх конкуренції. Фронтір охарактеризований як зона нестійкої рівноваги, невизначеності вибору освітніх моделей.

***Ключові слова:** освіта, модель, інновація, конкуренція, фронтір, логіка, ризик, трансграничність, інтелект, цивілізація.*

Постановка проблемы и ее актуальность.

В конце второго тысячелетия, человечество вступившее в эпоху многомерной и многоаспектной глобализации, становится все более целостным и взаимозависимым, при этом обнажая все новые противоречия во всех сферах своей жизнедеятельности. Ощущение нарастающего напряжения в мире сегодня все больше становится реальностью. Глобализация прокатывается по судьбам человечества как цунами, разрушая устоявшиеся после второй мировой войны системы взаимоотношений между народами. Мир, построенный в 60-80 годах XX века практически ушел с исторической сцены. В глобализирующем мире идет столкновение цивилизаций (С. Хантингтон), столкновение культурно-цивилизированных систем (А.Н. Чумаков), причем в экономике ничего катастрофического не происходит, альфой здесь выступает глобальная политическая катастрофа.

Многомерная глобализация не оставляет шансов ни одной стране, в том числе и высокоразвитым, отгородится какими бы то ни было заборами, что стало модно, особенно в Европе (США и Украина тоже примеряют на себя эту моду). Но Китай построив Великую Китайскую стену ещё в неглобализирующем мире, уже тогда осознал (в III веке до нашей эры), открывая первый шелковый путь, что забор для экономики – это крах её развития. И сегодня Китай смотрит на процессы

глобализации сквозь призму объективных тенденций её развития, мыслит глобальными категориями, определяя аттракторы её движения, с учетом неизбежных флуктуаций, что видно из решений XIX съезде КПК, прошедшего в октябре 2017 г.

Многомерное исследование образования в наступившем веке глобализации свидетельствует о том, что оно стремится занять вместе с наукой доминирующее положение в определенном геокультурном пространстве. Но для этого необходим реальный инновационный излом в развитии науки и реальные инновационные изменения в образовании. Учитывая тот фактор, что современная система мирового образования носит трансграничный характер, что она не только поле конструктивного взаимодействия стран, но и рынок противоборства, предлагаемых моделей их развития. Это и стало в Китае фундаментом нового отношения к образованию, формированию его новой модели как императива XXI века.

Анализ последних публикаций, в которых отражена проблематика статьи. Обращение к проблеме развития образования в условиях глобализации утверждает нас в мысли, что сегодня трудно найти какой-либо дискурс в рамках которого не затрагивалась бы тема образования, его роль в глобализирующем мире. Практическим подтверждением этому выступает факт утверждения МОН Украины

специализации “философия образования”, и, конечно же, замкнуться на философском анализе истории образования – нельзя. Но оглядываясь на историю необходимо двигаться конструктивно вперёд.

В мозаике взглядов на образование нельзя принижать поляризацию философско-педагогических взглядов в оценках этого социокультурного феномена. Сущность различных аспектов образования нашла свое отражение в работах Андрущенко В.П., Бега В.П., Буданова В.Г., Воронковой В.Г., Гершунского Б.С., Зеленкова А.И., Козинец Л.А., Лазаревича А.А., Мельниченко Ю.С., Нейсбита Дж., Полани М., Субетто А. И, Шелера М., Шилиной Н.Е. и многих других.

Глобализационные процессы не обходят стороной образование. Ярким примером здесь выступает унификация европейского образования на базе Болонской концепции, негативом которой явился реальный спад качества образования в ряде постсоветских стран, в том числе и на Украине. В этих условиях Китай предлагает свою модель образования, которую он сегодня репрезентирует вместе с инвестиционными, финансовыми и инфраструктурными измерениями мегастратегии “Шёлкового пути – 2”.

Цель научного исследования – раскрыть frontier образовательных моделей Востока и Запада, способствующие выбору конструктивной конкурирующей модели в условиях евроазиатской интеграции.

Обсуждение проблемы. Второе десятилетие XXI века взволновало мир не только новыми проектами евроазиатской интеграции репрезентируемые Китаем как “Шелковый путь – 2”, но и заявлением на Давосском форуме главы департамента международного экономического сотрудничества МИД страны Чжан Цзюнь, относительно глобализационных процессов, что “раз уж требуется, чтобы Китай играл роль лидера, то мы должны взять на себя эту ответственность”. Однако, окончательные задачи и перспективы развития Китая были сформулированы Председателем КНР Си Цзиньпином на XIX съезде КПК (октябрь, 2017), где он заявил, что Китай вошел в новую эру, которая сулит стране центральную роль в мире. Страна, которая демонстрировала больше экономическую вовлеченность в мировые дела, сегодня готова предложить иной цивилизационный выбор. На чем же он основан? Главная особенность здесь заключена в социоэкономической системе. Китай развил

высоко экономические рыночные отношения, но социальный дискурс развития страны определяют государство и коммунистическая партия, выполняющая важнейшую роль в постановке общих целей, то есть того, что конструктивно и полезно для общества. Государству отводится ценностная функция ареал которой – рыночная экономика. Но социализм в Китае не экономический, а идейный, эффективный, он – все то, что способствует росту благосостояния общества, формированию среднезажиточного общества.

Сформировать такое общество, минуя глобализационные процессы в мире – нельзя. Китай рассматривает “глобализацию не как угрозу, а как изначально объективное явление, открывающее ему новые возможности и перспективы и становится вполне очевидным почему они сейчас самые главные “либералы”, сторонники “открытых дверей”, “единого человечества”, “общей судьбы мирового сообщества”, “глобальной экологической цивилизации”...и т.п.”[1,с.13].

Ведя речь о двух плюсах глобализации – Китая и США – Р. Шапиро утверждает, что и сегодня, и при жизни следующего поколения (здесь явно Р. Шапиро ошибся в своих прогнозах) из двух полюсов ведущая роль будет принадлежать США, несмотря на то, что сегодня “Китай получает больше пользы от глобализации, чем другие развивающиеся страны, хотя даже относительные человеческие и природные ресурсы многих других стран конкурируют с китайскими. Но политическая приверженность Китая к глобализации больше, в особенности в крайней открытости прямым и зарубежным инвестициям и крупных государственных инвестициях в образование и инфраструктуру”[2,с. 278].

Подобно США, в которой Дж. Нейсбит выделил 10 мегатрендов развития общества, анализируя феномен китайского скачка в экономике он выделил 8 глобальных Столпов в развитии китайского общества. Каждый из этих Столпов исследует одну из реформ, взаимодействие которых рождает новое. Среди этих Столпов особое место принадлежит науке и образованию, этот Столп – альфа и омега инновационного развития страны. Ещё в первой своей речи в качестве генерального секретаря Си Цзиньпин утверждал, что наш народ ожидает лучшего образования, более стабильные работы, более высокие доходы, более надежные социальные гарантии, здравоохранение более высокого уровня, более комфортные условия проживания и более благоприятную окружающую среду. Главной задачей в

Образовательные модели Востока и Запада как frontier современной евроазиатской интеграции

образовании является смена устаревшей модели и конкуренция с Болонской системой. В их столкновении и возникают фронтиры.

Для того, чтобы охарактеризовать фронтиры в образовательной реальности в условиях евроазиатской интеграции необходимо:

а) раскрыть сущность фронта как процесса взаимопроникновения и противоречивого сочетания различных образовательных практик;

б) репрезентировать идеи и практику китайской инновационной политики в сфере образования;

в) элиминировать недостатки Болонской системы образования;

г) охарактеризовать на основе выделенных фронтиров, столкновение образовательных моделей Востока и Запада, как зону неустойчивого равновесия и интеллектуальных рисков.

Современный этап развития образования позволяет утверждать, что в его пространстве обнаруживаются фронтиры, казалось бы устоявшиеся в даже унифицирующей Болонской системе Запада и заявившей о себе, как инновационной модели образовательной реальности, Востока. Эти пограничные фронтиры порождают ряд рисков, которые в научной этимологии обозначаются как конкурирующие модели, содержащие фундаментальные противоречия, возникающие на границе между ними. Ещё американский историк Ф. Тёрнер назвал фронтир точкой встречи дикости и цивилизации. В современном смысле фронтир – это взаимопроникновение и противоречивое сочетание, – пишет И.Я. Левяш, – различных культурно-цивилизационных практик, территория встречи и контактов различных культур”[3, с.194].

В нашем же исследовании фронтир выступает как территория встречи и контактов образовательных моделей Востока и Запада. У фронта есть своя логика развития, он формирует защитные сооружения своих моделей, но в то же время эти сооружения способны закрывать горизонты прогресса (а таких сооружений в Болонской системе много) и в этом плане фронтир деструктивен, он усиливает риски, связанные с уступками другой предлагаемой модели образования. Эти риски отражают “ожидание” повреждений в системе, процессе, модели в целом, “это в общественном представлении, ожидание любых неблагоприятных условий, явлений, событий, ситуаций в природе и обществе. Количественно такое ожидание можно объяснить как долю “плохого” в “хорошем”[4, с.68].

Если речь идёт о выборе конкурирующей модели, то есть необходимость репрезентации их содержательных аспектов.

Коренная ломка образования в Китае началась с конца 80-годов XX века. И началась она со школьной системы, которая не отличалась гибкостью, развитием творческого потенциала детей. Исходя из аксиомы, что обучение является фундаментальным элементом быстроменяющейся жизни, руководство страны пришло к выводу, что “нужно сосредоточить усилия на образовании и превратить Китай в страну богатую человеческими ресурсами” [5, с.78], а это означает, сделать Китай страной обучения. И сегодня уровень грамотности в Китае превысил 91%.

Но чтобы сделать страну инновационным лидером планеты, то главной задачей по мнению Дэн Сяопина необходимо освобождение разума от идеологической зависимости, его раскрепощение, эмансипацию. Это подразумевает свободу мнений, свободу принятия решений и свободу выбора модели общественного развития. Убежденность Китая в практической значимости образования и превращает эту страну в национальное общество обучения. Образование – это ключевое условие возможности человека самому строить свою жизнь и быть полезным обществу, это тот самый ключ, который отпирает двери раскрепощению духа человека, двери свободы и справедливости. Поэтому, когда институты и университеты возобновили регулярные программы обучения, когда инженеры и технический персонал вернулись на прежние рабочие места и особенно, “когда Дэн Сяопин назвал науку и технику “первоочередным приоритетом” спрос на образование резко вырос. Мысль о том, что у всякого есть право на высшее образование, сделалась весьма популярной, и Китай устремился к овладению знаниями”[5, с.30]. Но это первые шаги на пути к коренной ломке устоявшихся традиций в образовании.

А в чем же сущность новой китайской образовательной модели, репрезентируемой им в условиях заявленной в 2013 году мегастратегии евроазиатской интеграции?

В отличие от Запада, строящего информационную цивилизацию, Китай строит инновационную, состоящую из двух форм общественного производства – материального и духовного. Для реализации этой задачи необходим новый уровень интеллекта нации, а его можно сформировать через образование. В этой связи Чжао Цичжэн пишет: “в современном мире человеческие ресурсы” важнее любых других. Тот, кто владеет личными

человеческими талантами, займет командные высоты в науке и технике. Тот, кто обладает избытком талантливых человеческих ресурсов, окажется в заведомо выгодной позиции на международном рынке” [5, с. 270].

Инновационный потенциал – краеугольный принцип решения внутренних задач построения общего “духовного дома”. Именно образование закладывает фундамент этого дома и вообще инновационного развития всех сфер жизнедеятельности социума. “Поставленная Китаем цель, – отмечает Дж. и Дор. Нейсбит, – создание инновационного общества – не может быть достигнута при сохранении иерархических, авторитарных институтов в образовании и на производстве. Эта цель должна рассматриваться в общем контексте реформы образовательной системы Китая. И единственный способ, которым Китай может реформировать эту систему, состоит во внедрении конкуренции” [5, с. 263].

А конкуренция предполагает перевод системы образования на инновационный путь развития, превращающий этот социокультурный феномен в определяющий фактор развития общества. Инновационность – определяющий тренд развития новой модели образования, которая предстаёт как качественно новый уровень формирования инновационного типа мышления, развивающегося на основе креативной методологии и достижений современной науки. Важнейшим параметром инновационности выступает атрибутивность. Это означает, что инновации в образовании характеризуются сменой своего содержания, но лишь в тех границах, которые обуславливают их новизну, эффективность, потребности социума. С этих позиций инновации в образовании чаще регламентируются требованиями найти способ их “направленно изменить”, “сконструировать”, “сознательно воспроизвести”, “построить в заданных параметрах и условиях”, “реализовать и получить эффект”.

Учитывая основные параметры инновационности (атрибутивность, имманентность, детерминированность, стойкость, стабильность, уникальность), Китай с первых дней реформ “ставит эксперименты, выясняя на практике эффективность инноваций. Правовые нормы, страховые схемы, общественные институты, образовательные и инвестиционные модели, даже культурные – все они проходят практическую проверку и должны доказать свою значимость, прежде чем их одобряют к внедрению” [5, с. 127].

Исследуя смысло-соразмерное содержание инновации В.П. Старжинский и В.В. Ценкало

эксплицируют её исходя из ключевых признаков, к которым отнесены – нововведение, внедрение, высокая эффективность. Инновационность в образовании означает “внедрение нового, являющегося конечным результатом интеллектуальной деятельности человека, его фантазии, творческого процесса, открытий, изобретений, и рационализации в виде новых отличных от предшествующих объектов (форм и методов обучения – О.П)” [6, с. 254]. Инновационность образования в Китае рассматривается как фундамент приращения интеллектуального капитала общества и в этом аспекте она репрезентирует себя в качестве целостного социального механизма развития всех сфер жизнедеятельности этого общества, превращение Китая из “мастерской мира” в инновационного лидера.

В новой модели китайского образования помимо инновационной, интеллектуальной и информационной составляющей, особое место принадлежит гуманистической составляющей, задачей которой выступает формирование социальной и культурной среды, необходимой для инновационного общества, для решения внутренних задач построения общего “духовного дома”. Образование должно давать стране огромное количество новаторов всех профилей обладающих панорамным видением решения задач, широким культурным диапазоном, гуманистов строящих новый цивилизационный мир. Гуманизация предстаёт как “совокупность философских, гносеологических, психологических, социокультурных, правовых взглядов, – отмечает В.Г. Воронкова, – которые обуславливают цели и задачи высшей школы с целью усиления гуманизации духа, свидетельствуют полноту и саморефлексию человека: если технократический подход к образованию ориентирует только на развитие самого производства и делает невозможным реализацию творческого потенциала личности, то преподавание общественных, социально-экономических дисциплин, очеловечивание любой науки означает ничто иное как развитие целостной гармонической личности” [7, с. 178].

Дистанцируясь от Болонской модели образования, Китай не копирует её, видя в ней ряд изъянов: расширение количественных показателей вузов, чем больше студентов, тем лучше вуз; резкое сокращение часов на подготовку специалистов, не вооружив их методологией самостоятельного обучения, не создав структуры способствующие процессу освоения знаний обучаемым самостоятельно;

Образовательные модели Востока и Запада как фронтиры современной евроазиатской интеграции

если в Болонской модели образования концептуальные модели находят свою разработку, то инструментальные модели образования, их реализация не эффективны и др.

Что же репрезентирует Китай в своей образовательной модели?

Во-первых, после заявления Дэн Сяопина, что у всякого есть право на высшее образование, в стране резко стала расти система дистанционного образования. Стремления широких народных масс к высшему образованию высоко финансово поддерживается центральным правительством и местными организациями власти. Ежегодно по этой системе образования подготавливается свыше 90 тысяч специалистов высшей квалификации. Фактически в стране сложилась система массового, народного высшего образования, наподобие той системы народного образования, которая сложилась при построении индустриального общества в развитых капиталистических странах и которая удовлетворила спрос производства в рабочей силе, о которой отмечал Э. Тоффлер в работе “Шок будущего”.

Однако, система высшего образования в Китае носит бинарный характер. В её структуре особое место принадлежит вузам, готовящим элиту для всех сфер народного хозяйства. И здесь, в отличие от Европы, Китай не гонится за количественными показателями контингента, а, как отмечает ректор Цзилиньского университета Чжоу Цифэн, “наша цель состоит не в том, чтобы увеличить площади университета или привлечь больше студентов; мы хотим создать многоуровневый исследовательский комплекс и одновременно увеличить качество обучения и преподавания”[5, с.198]. Такие цели делают ведущие университеты Китая флагманами инновационного развития страны. Их многократная образовательная деятельность включает в себя построение инновационной образовательной инфраструктуры релевантной следующим элементам: субъектам образовательной деятельности; технологиям и практике инновационного образования; технологическому и финансовому обеспечению.

Развитие бинарной системы образования расширило образовательную сеть страны.

Во-вторых, китайская модель в образовании исходит из принципа необходимости вооружить обучаемого системой не только информационных знаний, имеющихся в распоряжении общества, но и навыками, методологией непрерывного обучения, поскольку картина социальной реальности меняется калейдоскопически.

В-третьих, в предлагаемой китайской системе образования новые концептуальные и инструментальные модели тесно связаны между собой, обязательно проходя проверку на практике, доказывая свою инновационность, эффективность, открытость.

С целью репрезентации своей модели образования “Китай открыл 226 отделений Института Конфуция в 64 странах мира, сегодня более 40 миллионов человек за границами Китая изучают китайский язык”[5, с. 221]. Китай охотно принимает молодежь из разных стран мира для получения качественного высшего образования, что также импонирует многим странам европейского континента.

Вывод.

Таким образом, в связи с реализацией Китаем мегастратегии “Шелковый путь - 2”, в качестве составляющей духовного производства, странам евроазиатского региона репрезентируется инновационная китайская модель образования, которая уже приобретает трансграничный характер. Сегодня складывается “территория встречи” образовательных моделей Востока и Запада, которая содержит в себе ряд фронтиров, раскрывающих не только их взаимодействие, но прежде всего противоречия. Поэтому в статье отмечены позитивные и негативные стороны этих моделей. Пока еще зону встречи этих моделей можно охарактеризовать как неравновесную, неустойчивую. Но позитив встречи этих образовательных моделей заключается в том, что у стран евроазиатского континента появляется выбор конкурирующих моделей. И какой модели образования будет отдано предпочтение – покажет время.

Перспективы дальнейших исследований – обосновать с позиций синергетики фронт как зону неравновесного и неустойчивого взаимопроникновения образовательных моделей Востока и Запада.

Список использованных источников

1. Чумаков А. Н. Грядущая демографическая лавина: на пороге великого переселения народов // Век глобализации. № 2. 2017. С. 3-19.
2. Шапиро Р. Прогноз на будущее. М. : АСТ: АСТ. Москва, 2009. 537 с.
3. Левяш И. Я. Культурное отчуждение и фронтиры: пропасти и мосты // В кн.: Диалог культур в эпоху глобальных рисков. Минск: РИВШ, 2016. С. 193-196.

4. Сосновский Л. А. Риск. Золотое сечение. Гомель: УО “БЕЛГУТ”, 2004. 317 с.
5. Нейсбит Д. Китайские мегатренды: 8 Столпов нового общества. М. : Астрель, 2012. 315 с.
6. Старжинский В. П. На пути к обществу инноваций. Минск: РИВШ, 2016. 446 с.
7. Воронкова В. Г. Філософія гуманістичного менеджменту (соціально-антропологічні виміри). Запоріжжя: РВК ЗДІА, 2008. 254 с. [in Ukrainian].

REFERENCES

1. Chumakov, A. N. (2017). The Coming Demographic Avalanche: at the Threshold of a Great Migration of the Peoples. The age of globalization. №. 2. 3-19 [in Russian].
2. Shapiro, R.(2009). Forecast for the leading.M.: AST: AST MOSCOW. 537 s. [in Russian].
3. Levyash, I. Ya.(2016). Cultural Alienation and Frontiers: abysses and bridges. In: Dialogue of cultures in the epoch of global risks. Minsk: RIVSH. 193-196 [in Russian].
4. Sosnovsky, L. A. Risk. (2004). The Golden Section. Gomel: " Belarusian State University of Transport". 317 s. [in Russian].
5. Naisbitt, J. (2012). Chinese megatrends: 8 Pillars of a new society. M.: Astrel. 315 [5] s. [in Russian].
6. Starzhinsky, V. P. (2016). On a way to society of the innovation. Minsk: RIHE. 446 s. [in Russian].
7. Voronkova, V. G. (2008). The Philosophy of Humanistic Management (Socio-anthropological measurements). Zaporszhzhie: RVK ZSEA. 254 s.

Punchenko, Oleg – *doctor of Philosophy Sciences; Asad pf the State of Philosophy and History of Ukraine, Odessa National Academy of telecommunication named after A.S. Popov (Odessa, Ukraine)*
E-mail: kaphedra.philos@onat.edu.ua, ORCID 0000-0003-2694-6841

EDUCATIONAL MODELS OF THE EAST AND THE WEST AS THE FORTUNES OF MODERN EUROASIAN INTEGRATION

Abstract. *Essence, role and place of education in China's proposed "Silk Road-2" megastrategy are revealed in this article. Together with the transboundary nature of economic, financial, infrastructural investments in the countries of the Eurasian region, China offers new forms of integration in the field of science and education.*

It is shown that this pillar of Chinese megatrends serves as alpha and omega of the country's innovative development. The innovative character of the educational model of China is researched. The educational model of this country is represented as competing one with the model of the Bologna system of the West. In this connection, frontiers are explored on the territory of the meeting of educational models of the East and the West. Frontier is explained as an interpenetration and contradictory combination of competing educational practices.

The logic of its development is analyzed, that is associated with the formation of protective structures of its models and the risks that arise in the space of their competition are noted. Frontier is characterized as a zone of unstable equilibrium, as the embodiment of maxims uncertainty of the choice of educational models.

Key words: *education, model, innovation, competition, frontier, logic, risk, transborderity, intelligence, civilization*

Стаття рекомендована до публікації д.філософ.н., проф. В.Г. Воронковою (Запоріжжя, Україна)

Надійшла до редколегії: 11.10.2017

Прийнята до друку: 16.10.2017

Пунченко Олег Петрович, доктор філософських наук, професор, завідувач кафедри філософії та історії України Одеської національної академії зв'язку імені О.С. Попова (Одеса, Україна) вул. Пішонівська, б. 20, корпус 1, кв. 11. Одеса 65029 Україна.

E-mail: kaphedra.philos@onat.edu.ua, ORCID 0000-0003-2694-6841